ББК 63.3(5)

УДК 811.512.1

DOI 10.30792/2222-9175-2018-29-110-119

В. В. Тишин

**«МОЙ РОД БАРСА...»: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ В ПАМЯТНИКАХ
ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
ЕНИСЕЙСКОГО БАССЕЙНА**

Статья посвящена анализу одного из фрагментов древнетюркской рунической надписи Алтын-Кёль I (Е 28) с территории Хакасии, где автор вслед за В. В. Радловым и А. Н. Бернштамом отмечает термин со значением ‘род, происхождение, родня’, для которого он обосновывает исходную форму *täk*. Для восстановления фонетического облика использован дополнительный лингвистический материал, контекст обосновывается путем привлечения материалов других древнетюркских рунических памятников бассейна р. Енисей.

Ключевые слова: памятники древнетюркской рунической письменности, енисейские кыркызы, социальная организация, социальная терминология, тюркские языки, Хакасия, Тува.

V. V. Tishin

**“MY CLAN OF BARS...”: ON THE PROBLEM
OF SOCIAL TERMINOLOGY IN OLD TURKIC
RUNIC WRITING MONUMENTS OF THE YENISEI VALLEY**

The article analyses one fragment of the Old Turkic inscription Altın-Köl I (Ye 28) found in Khakassia in which the author, following W. Radloff and A. N. Bernštam, finds the term with the sense ‘clan, origin, kin’ in the argued phonetic form *täk*. For the reconstruction an additional linguistic data was used as well as the context of the phrase was reasoned by attracting materials from other Old Turkic runic writing monuments of the Yenisei River valley.

Keywords: Old Turkic runic writing monuments, Yenisei Kyrgyz, social organization, social terminology, Turkic languages, Khakassia, Tuva.

Несмотря на уже длительный период изучения, полноценное использование в качестве исторического источника памятников древнетюркской рунической письменности, обнаруженных в разное время на территории долины р. Енисей, во многом пока затруднено невозможностью точной датировки большинства из них. Даже при условном понимании периода их создания в рамках

VIII–XII вв. [Щербак 2001: 89] корректное прочтение многих из них все еще вызывает дискуссии у специалистов, а этот факт, соответственно, представляет определенные трудности для их понимания.

Одним из интереснейших аспектов является возможность использования данных древнетюркских памятников енисейского бассейна в качестве источника по социальной истории. В част-

ности, к этому активно прибегал в свое время А. Н. Бернштам [1946], привлекая материал енисейских памятников наравне с более пространными и, по большей части, точно датированными текстами с территории Монголии. Насколько это корректно [Киселев 1947: 87; 1949: 6; 1951: 8; Обсуждение 1953: 322; Кызласов, Мерперт 1952: 105; Кызласов 1979: 140; Васютин, Дашковский 2009: 229] – другой вопрос. Пока не имея возможности развернуто высказать свою точку зрения по поводу датировки енисейских памятников, автор настоящей статьи хотел бы обратить внимание на некоторые моменты, позволяющие, по его мнению, сделать некоторые предварительные замечания относительно значения некоторых из них для исследований социальной истории Тувы и Хакасии в древнетюркскую эпоху (VI–X вв.).

Первый переводчик одного из крупнейших и наиболее содержательных памятников древнетюркской рунической письменности с территории Хакасии – так называемой первой алтын-кельской надписи, известной под индексом Е 28, В. В. Радлов, интерпретируя в первой строке сочетание *b¹r¹s¹t²gMA*, прочел его как *bars tägimä* ‘bei meinem Thiergeschlechte’ [Radloff 1895: 333], отметив др.-тюрк. **mäg* ‘Geschlecht’ [Radloff 1895: 359], а позже внес в свой «Опыт словаря тюркских наречий» слово *mäg* ‘происхождение, род’ с примером *bars mägim* ‘мой барсовый род’ (mein Tiger Geschlecht) [Радлов 1905: 1028]. Г. Вамбери, рассматривая чтение В. В. Радловым всей фразы – *bars tägimä ärdämligimä* ‘bei meinem Thiergeschlechte’, ‘bei meinem mit Trefflichkeit begabten’, предложил вариант *barıştigima ärdämligimä* ‘auf meinem Lebenswandel’, приводя форму *barışmak* ‘zu einander gehen, wandeln’, вост.-тюрк. ‘friedlich sein, sich aussöhnen’ [Vámbéry 1898: 94–95]. Это, однако, невозможно по причине получившегося в таком случае употребления в одном слове знаков, обозначающих звуки велярного и палатального рядов.

В дальнейшем А. Н. Бернштам, ссылаясь на чтение В. В. Радлова, пытался *täg* видеть как обозначение родового термина [Бернштам 1946: 103–104, 160, 163] (ср.: [Киселев 1949: 279, 335; 1951: 498, 594]). Впоследствии оно, казалась бы, не оправдалось ввиду новых прочтений и переводов надписи, оспаривающих толкование третьего знака или чтение всего второго слова [Orkun 1994: 511; Малов 1952: 53; Кляшторный 1976: 261; 2006: 335–336]. Однако знак был четко зафиксирован [Васильев 1983: 25] и последние переводы [Кормушин 1997: 79–81; Tekin 1997: 211–212] все же не только позволили уточнить его наличие, но и обусловили возможность поднять дискуссию по поводу толкования всей фразы.

Учитывая, что язык алтын-кельских текстов обнаруживает принадлежность к *i*-диалекту, узкий негубной гласный в первом слоге обозначается регулярно только в открытом слоге [I]. Речь явно идет о чем-то, что именуется *barstag(-i?)*. По мнению А. Н. Бернштама, здесь следует видеть именно слово *tägi* в значении отцовского рода, «с которым связаны тотемные воззрения» [1946: 163, 164; II]. Однако А. Н. Бернштам [Там же: 103] полагал, что речь идет о связи с основой *teg-* с семантикой близости, приближения (см.: [Древнетюркский словарь 1969: 548; Aydın 2009: 112]). Т. Текин отмечал здесь слово *täg* со значением подобия [Tekin 1997: 212–222], хорошо известного по ряду древнетюркских памятников (см.: [Древнетюркский словарь 1968: 547]). И. В. Кормушин соглашался, что выражение *bars tag-imä* является как раз чем-то связанным с барсом [1997: 81–82]. Однако сам исследователь пишет о суффиксе *-tig*, который сравнивает с *-lig* [Там же: 89–90]. Э. Айдын, читая сочетание *bars-tägim-ä ärdämligim-ä bökmädim*, видел первую лексему в именительном падеже [Yıldırım et al. 2013: 83; Aydın 2016: 18], что, однако, едва ли возможно, поскольку обе именные конструкции выполняют одинаковую грамматическую функцию, представляя как единое дополнение.

Разбирая все варианты, следует сказать, что в памятниках древнетюркской письменности мы встречаем глагольную основу *teg-* ‘касаться, трогать, достигать’, ‘нападать’ [Радлов 1899: 1028–1029; Малов 1959: 103; Clauson 1972: 476]. К. М. Мусаев считает исходной формой **teg-* со значением ‘нападать, наступать’ [Сравнительно-историческая грамматика 1997/2001: 572–572; 2006: 496]. И. В. Кормушин предложил новое толкование глагола *teg-*, упоминающегося, по его наблюдениям, обычно при описании встречи героя эпитафий с врагами, потому он добавил значение ‘лично вступать в бой, в схватку’ [1997: 86–87], ‘принимать личное участие в сражении’ [Там же: 241]. Форма глагола *teg-* ‘нападать’ скорее всего восходит к первичной форме **teŋ-* со значением ‘достигать’ (с корневым соответствием /e/ ~/i/) [Севортян 1980: 173–175, 282]. По реконструкции же А. В. Дыбо и О. А. Мудрака, пратюркский глагольный корень со значением ‘касаться’ выглядел как **teŋ-* [Сравнительно-историческая грамматика 2006: 202]. (Ср.: пратюрк. **deŋ-* ‘to touch, to reach (дотрагиваться, достигать)’, прамонг. **dökü-* ‘to approach, move closer (приближаться)’ < праалт. **tiŋok’e* ‘to touch, reach’ [Starostin et al. 2003: 1372–1373.]) Теоретически возможно допустить существование именного отглагольного образования **tegi* < *teg-* +*I*, гомогенного и омонимичного соответствующему предлогу (герундий) [Севортян 1980: 183]. Слово со значением подобия, согласно сэру Дж. Клосону, содержит долгий широкий корневой гласный [Clauson 1972: 475], но Э. В. Севортян отмечает краткий [1980: 184–185]. В любом случае этот вариант не может быть признан потому, что данный послелог никогда не снабжался какими-либо морфемными показателями. По этой причине следует обратить внимание на зафиксированное в тексте Хербис-Бары выражение *elim qanıma täyri tägim jüta bökmäd(im)* ‘страна [моя], *täyri tägim*, о горе! [я] не наслаждался’ (Е 59, стк. 6), где оставленное пока без перевода *täyri täg-im*, по-видимому, никак не может

быть сопоставлено с эпитетом тюркского кагана *täyri täg* ‘Небоподобный’ (КТ, Хб, стк. 1 = БК, Хб, стк. 1).

Уже В. В. Радлов сравнил **mäg* ‘Geschlecht’ с **māŋ* ‘die Schaar, der Haufen’ [Radloff 1895: 359, 360]. Это, вероятно, может быть сопоставлено с группирующимися вокруг основы **deŋ-*, тур. *dän* ‘достоинство, образ, сорт’, **dän-li* ‘составляющий сорт, количество, степень’, узб. *ден-лу* ‘род, вид, качество, количество’, что обычно связывается с *teg-* ~ *deg-* ‘касаться, трогать’ [Севортян 1980: 182]. Возможно, может быть привлечено др.-тюрк. (енис.). *teŋ* ‘sayı’ (Е 26, стк. 8) [Yıldırım, Aydın, Alimov 2013: 77, 508; Aydın 2013: 45] и весь спектр форм от **deŋ* ~ **teŋ* с семантикой ‘равный, подобный’ [Севортян 1980: 191–194].

В одном из уйгурских юридических документов XIII–XIV вв., известном под индексом USp7, филологами фиксируется термин *tägi* ‘родственник’ [Малов 1951: 428], ‘akraba’ [Caferoğlu 1968: 230]. В такой трактовке сомневался сэру Дж. Клосон, который отмечает форму *teki* “the existence of a word of this form (in the Index **tegi**) meaning ‘family’ in Uyğ. VIII ff. Civ. is suggested in USp. with a refce. to Radloff’s similar suggestion regarding **tek** (see Preliminary note thereon), but it is clear that this is an error arising fr. Misunderstood uses of the Den. Suff. **-teki**” [Clauson 1972: 478]. Этот перевод, однако, вслед за С. Е. Маловым и Ахмет Джафероглу принял Мори Масао, отмечающий *tägi* в значении ‘family’ или ‘relatives’ [Mori 1961: 114, 133]. Ср.: ср.-уйг. *mäk*, каз. ‘порода, происхождение, раса’ [Радлов 1905: 1914], у Л. З. Будагова *тек* تەك ‘род, поколение, происхождение’, *теги* تەگي ‘его род’ [1871: 398], кырг. *тек* ‘происхождение (по рождению)’ [Киргизско-русский словарь 1985: 220], каз. *текті* ‘хорошего происхождения’ [Радлов 1905: 1926], *тексіз* ‘человек дурного происхождения, плохой человек’ [Там же: 1928], каз., к.-калп. *тек* ‘род, порода’, ‘происхождение’, *оның теги татар* ‘он родом из татар’, *ата теги* ‘социальное происхождение’, *текли* ‘родовитый, породистый’ [Баскаков 1979: 99],

н.-уйг. *тәкти* تەكتى [täkti] ‘основа, происхождение’ [Уйгурско-русский словарь 1968: 299] (при *тәг-мәк* تەگمەك [tägmäk] ‘касаться’ (> *тег-* تەگ- [tæg-] [Там же: 301, 345], что есть следствие характерной для новоуйгурского языка редукции широких гласных под ассимилирующим действием аффикса [Сравнительно-историческая грамматика 2002: 343]). Однако в названном среднеуйгурском юридическом документе, где впервые фиксируется эта форма, речь может идти о форме *täki*, поскольку на письме здесь не различаются звонкий и глухой смычный /g/ и /k/ (см. текст: [Малов 1951: 428]). Тот факт, что слово снабжено притяжательным аффиксом 3-го лица ед. ч. и затем аффиксом множественного числа +*lar*, типичен для древнеуйгурских памятников – в этих случаях суффикс обозначает все множество объектов, обозначенных дериватом [Erdal 2004: 157 (note 271)].

Таким образом, в конструкции *bars-tägim-ä ärdämligim-ä* речь идет о смягчении спиранта /k/ > /g/ при падежной аффиксации, в этом случае второе слово следует рассматривать как имя существительное – **ärdämlik* (ср.: [Древнетюркский словарь 1969: 176]). При этом его необходимо отличать от формы со звонким аффиксом *ärdämlig*, выступающей в известных случаях во всех енисейских памятниках в качестве прилагательного (Е 29, стк. 3 по И. В. Кормушину, стк. 4 – по Э. Айдыну; Е 48, стк. 8), как и его фонетические формы в более поздних языках, в т. ч. тувинском и анатолийских диалектах [Малов 1951: 365; Caferoğlu 1968: 69, 73; Clauson 1972: 212].

Факт семантического сближения значений ‘род, происхождение’ с кругом значений **дең* ~ **тең* с семантикой ‘равный, подобный’ [Севортян 1980: 191–194] позволяет привлечь сюда и послово со значением подобия, ошибочно выводимого некоторыми исследователями от глагола *te-* ‘говорить’ с закрытым корневым гласным [Там же: 183–184]. Такие соответствия, как чув. *тан* ‘равный, одинаковый’, ‘равно, одинаково, ровно’, баш. *тиңдәш* ‘ровня, чета’, тат.

тиң, тиңдәш id. [Егоров 1964: 229–230; Федотов 1996: 170–171], свидетельствуют о наличии именно широкого гласного в исходной основе. Факт соответствия значений ‘род, происхождение’ и ‘подобие’ важен тем, что косвенно говорит в пользу относительности понятия рода у кочевников, подтверждая мнение о генеалогическом, а не кровнородственном характере этого института.

При таком понимании данного термина меняется отношение к надписи Хербис-Баары, где выражение *täñri tägim* (Е 59, стк. 6) следует перевести как ‘мой небесный род’. Сама надпись является эпитафией некоего Кюлюг Йегена, который был сыном влиятельного бега и, судя по всему, погиб в 27 лет, не вернувшись из похода на *toquz tatar*. С. Г. Кляшторный, исходя из содержания текста, связал надпись с событиями периода 842–843 гг. [Кляшторный 2006: 346–348; Кляшторный, Савинов 2005: 145–146; III], что в целом соотносится с датировкой, предложенной С. И. Вайнштейном [1963]. Л. Р. Кызласов отмечает, что надпись была обнаружена рядом с погребальным курганом с обрядом трупосожжения, который он относил к рубежу X–XI вв. [1965: 39–40, 41 (рис. 3), 48 (табл.)], а Г. В. Длужневская и Вл. А. Семенов на основе сравнительных аналогий датировали второй четвертью X в. [1990: 76, 79–80]. Бай Юй-дун на том же, что и С. Г. Кляшторный, основании, как упоминание *toquz tatar*, относит надпись к X в. [Bai Yudong 2011]. В достоверности упоминания этнонима *tatar* сомневается И. В. Кормушин [2008: 147] (ср., однако: [Он же 1997: 244]).

Однако, в связи с прочтением формулировки «род барса» в первом алтын-кельском памятнике может быть предпринята попытка скорректировать датировку других памятников.

Характерно, что мемориант первой алтын-кельской надписи, как осторожно отметил И. В. Кормушин, именуется *älig bört opa bars* (Е 28, стк. 2 – по С. Е. Малову и И. В. Кормушину, стк. 4 – по С. Г. Кляшторному, стк. 5 – по Э. Айды-

ну), *opa bars* (Е 28, стк. 6 – по С. Е. Малову, стк. 9 – по И. В. Кормушину, стк. 7 – по С. Г. Кляшторному и Э. Айдыну) [Кормушин 1997: 80–81; IV], с чем согласен М. Эрдал [Erdal 2002: 69 (Anm. 61); 2004: 289]), при *una? bars* и *<u>na? bars* соответственно у Э. Айдына [Yildirim et al. 2013: 83; V].

Независимо от интерпретации всех элементов личного имени использование слова *bars* в качестве одного из них здесь очевидно. Однако упомянутые надписи не имеют тамг и в связи с этим важно следующее наблюдение. В надписи, обнаруженной на территории Тувы, на левом берегу р. Улуг-Хем, содержащей тамгу типа «дуга над крестом», Эль-бажы (Е 68), мемориант носил имя *qara bars*, имея должность(-и) *inanču* [и?] *čigši*. Его имя И. В. Кормушин считает возможным связать с родом барс (*bars opa*) [2008: 153; VI], правившим, по его словам, на территории Хакасии (ср.: [Там же: 107]), и название которого, возможно, отражено в ономастике меморианта надписи Алтын-Кель I (Е 28), не имеющей тамги [Он же 1997: 81, 89–90]. Характерно, что И. Л. Кызласов считает памятник Эль-Бажы (Е 68) палимпсестом и относит первичную надпись к «чикским эпитафиям», вторую связывает с «древними хакасами»; тогда Кара Барс выступает как представитель последних [Кызласов 1998: 68–71]. Однако антропоним *el²Ččw¹r¹:kw²Čb¹r¹s¹*, т. е. *elčilelič čor küč bars* (ср.: [Кормушин 2004: 238]) в памятнике-палимпсесте Чаа-Холь II (Е 14, стк. 1) с тамгой совершенно иной формы (соединенные горизонтальной линией вертикальные дуги). В то же время в обнаруженной недалеко надписи Чаа-холь V упомянут *töz baj küč bars külig* (Е 17, стк. 1), притом что для нее характерен тип тамги «дуга над крюком». Отсюда следует вывод, что слово *bars* было довольно широко распространено в личном ономастике населения Тувы и Хакасии в период сооружения енисейских стел. Из этого факта следует, что выражение «род барса» в первой алтын-кельской надписи могло обозначать

общность, связанную с личностью какого-либо предводителя, носившего это имя [Németh 1991: 58–65], в частности – меморианта.

Следует обратить внимание на надпись Бегре (Е 11) с территории северо-восточной Тувы. Мемориантом надписи выступает лицо по имени Тёр Апа, имеющий должность *ičräki* [VII], содержит упоминание о его участии в походе «на табгачского хана» в возрасте 15 лет, что дало повод С. Г. Кляшторному связать содержание надписи с событиями 842–843 гг. [2006: 346]. Характерно, что второй половиной IX в. на основе археологического материала допускал датировку памятника Л. Р. Кызласов [1960: 102, 114]. Однако А. Н. Бернштам [1946: 167–168] вслед за В. В. Радловым [Radloff 1895: 301–302] датирует ее второй половиной VII в., а И. В. Кормушин относит памятник к «наиболее поздней эпитафийной енисейской рунике» [2008: 42] (ср.: [Он же: 270]). Некоторые сентенции сближают памятник с абаканской надписью (Е 48) [Там же: 274]. Э. Айдын пишет о возможности участия меморианта в подавлении восстания Ань Лу-шаня 安祿山 в 756–757 гг. [Aydın 2012: 165–166]. Тем не менее есть две заманчивые возможности сопоставить имя меморианта с персонажами китайских летописей. Прежде всего это министр (*сян* 相, букв. ‘канцлер, регент; министр; царский советник’) Апа (А-бо 阿播), в 848 г. совершивший масштабный поход на *шу-вэй* 室韋 [Малыгин 1974: 30, 31, 108 (прим. 109)]. Во-вторых, учитывая, что мемориант носил важную должность *ičräki* (см.: [Clauson 1972: 31; Кормушин 1997: 127; 2008: 300–302; Erdal 2004: 190]), тут можно вспомнить кыргызского посла к танскому двору в 866 г., названного в «Тан хуэй яо» 唐会要 генералом (*цзян-цзюнь* 将军) И-чжи-лянь-цзи 乙支連幾 (хотя тут есть некоторые проблемы с транскрипцией) [Drompp 1999: 395–396 (note 37)]. При этом одно не противоречит другому.

Так или иначе, в надписи (Е 11, стк. 10 – по С. Е. Малову и Э. Айдыну, стк. 4 – по И. В. Кормушину) говорится,

что мемориант убил неких «семь волков» (*jeti böri*), но не убивал *барсов* и *кёкмеков* [Кормушин 1997: 270–276; 2008: 102–104; Кляшторный 2006: 346; Şirin User 2007: 53; Aydın 2016: 18, 32; Yıldırım et al. 2013: 45; VIII], т. е. оленей или ланей. К такой трактовке склоняются большинство тюркологов [Бернштам 1946: 162; Малов 1959: 33; Древнетюркский словарь 1969: 313; Clauson 1972: 711–712; Tekin 2003: 248] (ср.: [Orkun 1994: 485]), хотя Э. Айдын теперь считает, что речь идет о ‘stag’ или ‘Sibiryа panteri’ [Aydın 2016: 18, 32; Yıldırım et al. 2013: 46]. И. В. Кормушин оставляет слово без перевода, сомневаясь, что выше предложенный перевод уместен, т. к. речь, по его мнению, должна идти о табуированном животном [1997: 275; 2008: 206, 310]. Предположение А. Н. Бернштама о том, что при упоминании *jeti böri* речь здесь шла не об охоте, а, видимо, о каких-то племенах, связанных с культом волка [1946: 162–163], отчасти может быть подтверждено тем, что термин *jämi nöri* сохранился у одного из сёбков телеутов в качестве этнонима [Потапов 1969: 85–86; 1972: 156–157], а название *кёк нүёр* имеет одно из подразделений сагайского сёбка *чимі нүёр*, сформировавшегося в среде телеутов с правобережья р. Томь и некоторой части шорцев [Потапов 1972: 163–164; Бутанаев 1993: 245; IX].

Так, мемориант надписи с территории Хакасии Уйбат VI (Е 98), ввиду упоминания борьбы за «орхонскую (*orq(u)n*) землю» [Васильев 1983: 27; Aydın 2012: 167; Yıldırım et al. 2013: 187, 188] или, по другому чтению «землю уйгурского хана (*uj(u)r q(a)n*)» [Кормушин 1997: 122, 123; 2008: 158], датированной серединой IX в. [Кляшторный 2006: 346] (см. также: [Useev 2010: 1519]), был некий *бег* Барс Тириг. Любопытно, мемориант этой надписи похвально тем, что убивал «голубых (серых) волков» (*kök böri*). Далее в тексте идет еще какое-то наименование, но оно дискуссионно, и, тем не менее, здесь кажется возможным видеть какое-то племенное название [Бутанаев 1973: 152; Васильев 1983: 27; Кормушин 1997:

121–123; Şirin User 2007: 53; Aydın 2016: 21, 28].

Мы не беремся здесь решать вопрос о тотемизме, зоолатрии или каких-либо других явлениях, которые могли оказать влияние на наименование племенных подразделений, отметив лишь то, что этнонимы, связанные с названиями животных и птиц у тюркских народов – широко известное явление [Németh 1971; 1991: 65–71, 273–274].

Если связывать все эти наименования животных с племенными единицами и в то же время принять предлагаемую на основе разных критериев датировку стелы Бегре, то, исходя из сообщения, что мемориант умер в 77 лет, т. е. в первые годы X в., получится, что в период второй половины IX в. в долине Енисея имела места некая борьба племенных группировок: с одной стороны, «волки», которые, предположительно, могут быть связаны с кругом уйгурских племен, учитывая легенду об их происхождении от волка [Ögel 1993: 43–44] и наличие «волчьих знамен» [Mackerras 1972: 17, 57]; с другой – «барсы» с территории Хакасии. Тогда ни Кара Барс надписи Эль-бажы (Е 68), ни Эльчи/Элич Чор Кюч Барс и Тозбай Кюч Барс Кюлюг из чаа-хольских надписей (Е 14; Е 17) не имели к ним отношения.

Безусловно, последние замечания носят в высшей мере гипотетический характер и не претендуют быть чем-то большим, нежели одним из возможных вариантов трактовки контекста некоторых памятников древнетюркской рунической письменности Енисейского бассейна, которые, определенно, должны быть рассмотрены не в отрыве друг от друга, а в комплексе – с учетом всевозможных нюансов, позволяющих сказать что-то более или менее определенное об их датировке или атрибуции. Вместе с тем, несомненным является факт фиксации в первом алтын-кельском тексте слова **tāk*, обозначающего совокупность людей, характеризуемых общностью происхождения. При этом его семантика не позволяет говорить об указании на действительное кровное родство.

Список сокращений

БК, Хб – малая надпись на северной стороне стелы Бильге кагана.

Е – енисейские надписи.

КТ, Хб – малая надпись на левой боковой (южной) стороне стелы Кюль тегина.

Примечания

I. Это то, почему приходится признать некорректным чтение С. Г. Кляшторного как *bars etgim* ‘Барс... моими деяниями...’, основанное на *etig* ‘дело, деяние’ [1976: 261–262; 2006: 335, 337] – в данном памятнике предполагалась бы форма с узкими инициальным гласным и, соответственно, его графическое обозначение.

II. См. также: [Малов 1952: 53]. Ср. у И. А. Батманова, *тег* ‘родня, совокупность родо-вичей’ [1959: 62]; ср. также у Т. Гюленсоя *tägi* ‘*akraba’ [Gülensoy 2007: 877]. П. А. Будберг отмечает основу *täg* ‘Geschlecht’ в языке табгачей [Boodberg 1979: 226].

III. Даже если отождествлять *tatar* древнетюркских рунических текстов с *ши-вэй* 室韐 китайских источников, как предлагают некоторые исследователи [Викторова 1980: 156], это не существенно в данном случае влияет на датировку: известен поход кыркызов на *ши-вэй* 室韐 в 848 г. [Drompp 2002: 396].

IV. Впервые обратил внимание на чтение знака в форме вертикальной дуги с двумя правонаправленными крючковатыми отростками как /op/ ~ /up/ А. С. Аманжолов, проводя параллели с аналогичным знаком восточнотуркестанских текстов [Кормушин 2004: 212, 244; Аманжолов 1978: 79; Gabain 1950: 12]. В стк. 3 второго таласского памятника из-за неясности второго знака может читаться как *w^lj^lA*, т. е. *uja* [Аманжолов 2012: 87; Yıldırım et al. 2013: 285–286], так и *w^lb^lA*, т. е. *oba* [Orkun 1994: 326, 820], так как пятый знак строки плохо различим, *j^l* это или *b^l*.

V. Ср. у С. Е. Малова *uça bars* в первом случае, *udačina bars* во втором [1952: 52–53], у Х. Намыка (Оркуна) *uça bars* в первом случае, *açınā bars* во втором [Orkun 1994: 511–512], у С. Г. Кляшторного *uč a bars* в первом и *açun a bars* во втором [1976: 261; 2006: 335], у Т. Текина *oča bars* в первом и *čina bars* во втором [Tekin 1997: 211–212], где *oča* ‘young, little, youngest’ [Ibid.: 217; 2003: 233], ‘genç (hayvan)’ [Ibid. 2003: 250].

VI. Формально он может соотноситься с одним из авторов надписей на скале Хая-Ужу (Е 24) с титулом *inanču külig çigši bağ* [Yıldırım et al. 2013: 153–154]. Само наименование *inanči* ~ *inanču* может также выступать эпитетом [Кормушин 2008: 305–306]. Большой интерес для датировки памятника Эль-Бажы (Е 68) могли представлять начертанные на стеле китайские иероглифы, но расшифровка показала, что они относятся к более позднему – юаньскому – времени [Мацумото 2000].

VII. Ср. у Д. Д. Васильева чтение *ič erki* [Vasilyev 1991: 122, 125]. И. В. Кормушин [1997: 273–274] вначале считал, что мемориантом является некий анонимный *ичрэки* лица по имени Тёр Апа, но впоследствии отказался от этого мнения [Он же 2008: 102]. Э. Айдын считает, что это сам мемориант и не видит здесь упоминания названия должности [Yıldırım et al. 2013: 45] (см. также: [Aydn 2009: 104]).

VIII. В тексте: *jetü böri ölürdim barišy kökmäkig ölürmädim* ‘семь волков [я] убил. Барса [и] көкмәков (?) [я] не убивал’.

IX. В алтайской эпической традиции известен сюжет о семи волках [Vámbéry 1879: 126; Ögel 1993: 50, 312–313, 316].

Литература

Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун / А. С. Аманжолов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 2. – С. 76–87.

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. – М.: Наука, 1979. – 279 с.

Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности / И. А. Батманов. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1959. – 220 с.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы / А. Н. Бернштам. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 207 с.

Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. II / Л. З. Будагов. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1871. – 417 с.

Бутанаев В. Я. Новая уйбатская сабра / В. Я. Бутанаев // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 18. – 1972. – № 2. – С. 149–152.

Бутанаев В. Я. Происхождение и расселение хакасских сеоков / В. Я. Бутанаев // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии / отв. ред. Б. В. Зориктуев. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 235–263.

Вайнштейн С. И. Курганы и стелы с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары / С. И. Вайнштейн // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. X. – 1963. – С. 264–267.

Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея / Д. Д. Васильев. – Л.: Наука, 1983. – 128 с.

Васютин С. А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования) / С. А. Васютин, П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – 400 с.

Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры / Л. Л. Викторова. – М.: Наука, 1980. – 224 с.

Длужневская Г. В. Кыргызские курганы правобережной Тувы / Г. В. Длужневская, Вл. А. Семенов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии / отв. ред. Ю. С. Худяков. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. – С. 76–85.

Древнетюркский словарь. XXXVIII / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – 714 с.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.

Киргизско-русский словарь (Кыргызча-орусча сөздүк): в 2 кн. Кн. 2: Л–Я / сост. К. К. Юдахин. – Фрунзе: Сов. энциклопедия, 1985. – 474 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири / С. В. Киселев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири / С. В. Киселев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

Киселев С. В. [Рец. на] А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-Тюркский каганат и кыргызы. Изд. АН СССР, М.; Л., 1946. – 207 с. + 2 карты / С. В. Киселев // Вестник древней истории. – 1947. – № 1. – С. 83–90.

Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С. Г. Кляшторный. – СПб.: Наука, 2006. – 591 с.

Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) / С. Г. Кляшторный // *Turcologica*. К 70-летию академика А. Н. Кононова / отв. ред. С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. – Л.: Наука, 1976. – С. 258–267.

Кляшторный С. Г. Степные империи древней Евразии / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования / И. В. Кормушин. – М.: Наука, 1997. – 303 с.

Кормушин И. В. Древние тюркские языки: учеб. пос. / И. В. Кормушин. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. – 336 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология / И. В. Кормушин. – М.: Наука, 2008. – 342 с.

Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности / Л. Р. Кызласов // Советская археология. – 1960. – № 3. – С. 93–120.

Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности / Л. Р. Кызласов // Советская археология. – 1965. – № 3. – С. 38–49.

Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.) / Л. Р. Кызласов. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 207 с.

Кызласов Л. Р. [Рец. на] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. – Л., 1951. – 256 с. / Л. Р. Кызласов, Н. Я. Мерперт // Вестник древней истории. – 1952. – № 1. – С. 101–109.

Кызласов И. Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности / И. Л. Кызласов // Российская археология. – 1998. – № 2. – С. 68–84.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования / С. Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы / С. Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 114 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С. Е. Малов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 112 с.

Малаякин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. / А. Г. Малаякин. – Новосибирск: Наука, 1974. – 210 с.

Мацумото Т. Китайская иероглифическая надпись на стеле с древнетюркскими руническими надписями из Эль-Бажы в Туве / Т. Мацумото // Древности Алтая. – 2000. – № 5. – С. 113–119.

Обсуждение в ученом совете ИИМК книги А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» // Советская археология. – 1953. – Вып. XVII. – С. 320–326.

Потапов Л. П. Тюльберы енисейских рунических надписей // Тюркологический сборник. 1971. Памяти В. В. Радлова / ред. кол.: А. Н. Кононов (отв. ред.), С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер. – М.: Наука, 1972. – С. 145–166.

Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк / Л. П. Потапов. – Л.: Наука, 1969. – 196 с.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. Ч. 1 / В. В. Радлов. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1899. – Стб. 1–1052.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. Ч. 1 / В. В. Радлов. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. – Стб. 1–1260.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы В, Г и Д / Э. В. Севортян. – М.: Наука, 1980. – 395 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 1997. – 800 с.; 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э. Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.

Уйгурско-русский словарь / сост. Э. Н. Наджип; под ред. Т. Р. Рахимова. – М.: Сов. энциклопедия, 1968. – 828 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. II. С–Я / М. Р. Федотов. – Чебоксары: Чувашский гос. ун-т гуманитар. наук, 1996. – 509 с.

Щербак А. М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования / А. М. Щербак. – СПб.: Наука, 2001. – 152 с.

Aydın E. Yenisey Yazıtları Nasıl Tarihlendirilebilir? / E. Aydın // Turkish Studies. – 2012. – Vol. 7/2. – S. 161–168.

Aydın E. Eski Türk Yazıtlarında Bitkiler ve Hayvanlar / E. Aydın // Türk Kültürü. – 2016. – Yıl 54. Yeni Seri. Cilt IX. Sayı 1. – S. 1–51.

Aydın E. S. Gerard Clauson'un Etimolojik Sözlüğünde Yenisey Yazıtlarıyla İlgili Veriler / E. Aydın // Turkish Studies. – 2009. – Sayı 4/4. Sözlük Özel Sayısı – Dr. Yücel Dağlı Anısına). – S. 93–118.

Aydın E. Yenisey Yazıtlarındaki Tek Örnekler / E. Aydın // Türkbilgi. – 2013. – Cilt 26. Sayı 1. – S. 37–49.

[Boodberg P. A.] Selected Works of Peter A. Boodberg / P. A. Boodberg; compl. by A. P. Cohen. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1979. – XIX+502 p.

Caferoğlu A. Eski Uygur Türkçesi Sözlüğü / A. Caferoğlu. – İstanbul: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1968. – XV+320 s.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish / G. Clauson. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – XLVIII+989 p.

Drompp M. R. Breaking the Orkhon Tradition: Kirghiz Adherence to the Yenisei Region after A. D. 840 / M. R. Drompp // Journal of the American Oriental Society. – 1999. – Vol. 119. – No. 2. 3. – P. 390–403.

Drompp M. R. The Yenisei Kyrgyz from Early Times to the Mongol Conquest / M. R. Drompp; the Turks / ed. by H. C. Güzel, C. C. Oğuz, O. Karatay. – The Turks. – Vol. 1. Early Ages. – Ankara: Yeni Türkiye Publications, 2002. – P. 480–488.

Gabain A. (von) Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Mit vier Schrifttafeln und sieben Schriftproben / A. von Gabain. – 2 verbesserte Auflage. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. – XVIII+357 s., [18].

Gülensoy T. Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü : tarihi – yaşayan Türk lehçeleri (şiveleri/dilleri). Anadolu ağızları ve Altay dilleri ile karşılaştırmalı: (etimolojik sözlük denemesi) / T. Gülensoy. – Cilt II (O–Z). – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2007 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu Yayınları; 911). – 596 s.

Mackerras C. The Uighur Empire according to the T'ang Dynastic Histories. A Study in Sino-Uighur Relations 744–840 / C. Mackerras. – 2nd ed. – Canberra: Australian National University Press 1972. – IX+226 p.

Mori M. A Study on Uygur Documents of Loans for Consumption / M. Mori // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library). – 1961. – Vol. 20. – P. 111–148.

Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása / Gy. Németh; közzéteszi B. Árpád. – Második, bővített és átdolgozott kiadás. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. – 397 o.

Németh J. Noms ethniques turcs d'origine totémistique / J. Németh // Studia Turcica / ed. by L. Ligeti. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1971. – P. 349–359.

Orkun H. N. Eski Türk yazıtları / H. N. Orkun. – 3 baskı. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1994. – 963 s.

Ögel B. Türk mitolojisi (Kaynakları ve açıklamaları ile destanlar) / B. Ögel. – 2 baskı. – I. Cilt. – Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1993. – 645 s.

Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei / W. Radloff. – III Lief. – St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1895. – VIII+460 s.

Starostin S. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Pt. II. L – Z. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – P. 859–1556.

Şirin User H. Runik Harfli Türk Yazıtlarında Av / H. Şirin User // Dil Araştırmaları Dergisi. – 2007. – Cilt 1. Sayı 1. – S. 49–59.

Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri / T. Tekin. – 2 baskı. – İstanbul: Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi, 2003. – 272 s.

Tekin T. The first *Altunköl* Inscription / T. Tekin // Turkic Languages. – 1997. – Vol. 1/2. – P. 210–226.

Useev N. Sahiplerinin Boyu Belirtilen Köktürk Harfli Yazıtlar / N. Useev // Turkish Studies. – 2010. – Vol. 5/4. – S. 1516–1521.

Vámbéry H. Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund Sprachlicher Forschungen / H. Vámbéry. – Leipzig: F. A. Brockhaus, 1879. – VIII+276 s.

Vámbéry H. Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens / H. Vámbéry. – Helsingfors: Druckerei der Finnischen litteratur-gesellschaft, 1898. – 122 s.

Vasilyev D. D. Turkic Runic Inscriptions on Monuments of South Siberia / D. D. Vasilyev // Foundations of Empire: Archaeology and Art of the Eurasian Steppes / ed. by G. Seaman. – Los Angeles: Ethnographics Press, The University of Southern California, 1991. – P. 117–126.

Yıldırım F. Yenisey – Kirgizistan Yazıtları ve Irk Bitig / F. Yıldırım, E. Aydın, R. Alimov. – Ankara: BilgeSu, 2013. – 512 s.

Bai Yudong [白玉冬]. The Kingdom of the Toquz Tatar during the 10th and 11th Centuries [10 Seiki kara 11 seiki ni okeru 'kyū sei tataru-koku' (10世紀から11世紀における「九姓タタル国」)] / Bai Yudong [白玉冬] // Tōyō Gakuhō (Reports of the Oriental Society) [東洋学報]. – 2011. – 第93巻. 第1号. – P. 01–027 (на яп. яз. с англ. резюме на р. III–IV).